

64-й
ВЫПУСК

Бархатный бас этого певца звучал под сводами Кремлевского Дворца съездов и над простором забайкальских степей; его слышали в Праге и Пхеньяне, в Париже и Сингапуре, в Варшаве и Монровии, на берегах Атлантики, Индийского и Тихого океанов — в 34 странах.
Ведущий солист Бурятского оперного театра, народный артист СССР, лауреат Государственной премии Бурятской АССР Лхасаран Линховоин — сегодня гость нашей 13-й страницы.

вал, терпеливый, милый Павел Михайлович!.. А первый мой педагог по вокалу Николай Васильевич Владимирский — ныне, увы, покойный... Он сам когда-то был крупный певец, пел у Зимины в Москве, там же, где и Шаляпин одно время работал. Николай Васильевич тоже каждый день со мной занимался; а я его просто преследовал, домой к нему ходил. Вот какие люди — главные учителя!

В 1951 году — бурятская декада в Москве. Пел на концерте в Большом зале кон-

Годунова. Мельника в «Русалке». Кочубя в «Мазепе». Кончака в «Князе Игоре». Мефистофеля в «Фаусте». Дон Базилио в «Севильском цирюльнике». Соколова в «Судьбе человека». Сторожева в опере «В бурю». А помните, я назвал бурятскую оперу «Энхэ-Булат батор»? Теперь у меня в ней основная партия, Бумал-хана.

— Расскажите, что сопутствует вашей вокальной, сценической подготовке к тому или иному спектаклю? Что вы читаете, например?

взыщите, я так считаю), нельзя не содержать себя в идеальной спортивной форме. Дыхательная гимнастика утром и вечером, зарядка, ходьба. Спиртное — не помногу и только во время отпуска, иначе голос не будет тебя слушаться. Никаких сигарет, папирос, трубок.

— А ведь в Бурятии трубки, кажется, популярны с давних времен.

— Вот-вот, отец тоже курил, потому теперь и не поет.

— Однако нельзя же постоянно пребывать в таком жестком режиме! Надо на что-то отвлекаться.

— Я отдыхаю, когда пишу. Вышли уже две книги моих путевых заметок о гастрольных поездках: «С песней по странам мира» и «По странам Африки». Сейчас потихоньку-полегоньку пишу еще одну. Кроме того, преподаю в музыкальном училище — в том самом, откуда многие ребята приходят в наш театр.

— Выходит, теперь и у вас есть ученики?

— О, весь нынешний мужской состав Бурятского оперного театра — мои ученики! Среди них уже и заслуженные, и народные.

— Лхасаран Лодонович, откройте секрет: о чем вы мечтаете? Что еще хотите спеть?

— А что секретничать? По моему, свою мечту скрывает тот актер, который не очень верит в ее осуществление. Я давно хотел петь Хованского — сейчас мы взяли к постановке «Хованщину». Хочу короля Филиппа в «Дон Карлосе», Грозного в «Псковитянке», Дон Кихота хочу спеть! Театр наш стоит крепко, певцы хорошие — значит, это под силу, так ведь?

— Вы объездили полмира, вы в зените своего творчества, вас почитают, вам аплодируют... А в родные края, в Агинские степи, в Ага-Хангил, заглядываете?

— Не «заглядываю». Часто бываю. Вот совсем недавно навещал.

— Как там теперь? Наверно, юрт почти не встретишь?

— Отчего же не встретишь? Конечно, выросли большие поселки, но там, где пасут скот, без юрты не обойтись. Я, как и в детстве, люблю запахи степи, ее трав и цветов. Многие мои родные по-прежнему скотоводы: младший брат Дугаржап — передовой чабан, другой брат, Намсарай, — председатель колхоза «Улан-туя» («Рассвет»). И я по-настоящему дома там, в нашей степи!

— И приходится петь, потому что, наверно, все этого хотят?

— Нет, не потому. В степи мне и так хочется петь. Самому хочется.

— Лхасаран Лодонович, такая традиция — спрашивать, как отнесится гость к цифре 13.

— Видите ли, у бурят цифра 13 ни с какой стороны — ни с хорошей, ни с плохой — не выделяется... (После короткой паузы). Вот если конь зубы показывает, «улыбается», — это к добру!

Гостя расспрашивал
Э. ЦЕРКОВЕР.
Фотографировал
Ю. Скуратов.

СОЛИСТ

ЛИНХОВОИН

— Не спешите, до этого еще не близко. Я ездил на всемирные фестивали молодежи и студентов в Прагу и Берлин; пел там классику, русские, бурятские песни. В 1948-м отозвали меня в Улан-Удэ: к 25-летию Бурятской АССР наш театр ставил оперу Книппера «На Байкале», и мне поручили спеть партию Андрея, революционера. В 1949 году вновь отправился в консерваторию, но уже в ленинградскую. Застал еще старых мастеров Мариинки. Занимался у Николая Аркадьевича Большакова — он теперь на пенсии, у Ивана Ивановича Плешакова — ему сейчас 88 лет, а голос сохранил, здравствует! Да, Ленинград... Его консерватория — моя альма-матер! Все я там получил, все, что умею, что могу...

Впрочем, было бы несправедливо, просто нечестно, если бы я не назвал в числе первых своих учителей Павла Михайловича Берлинского, тогда главного дирижера театра в Улан-Удэ (сейчас он преподает в Московской консерватории). Он был для меня и педагогом по сольфеджио, каждую нотку мне вдалбливал; и за руку меня по сцене водил, мизансцены помогал усвоить; и каждую партию со мной разучи-

вал, терпеливый, милый Павел Михайлович!.. А первый мой педагог по вокалу Николай Васильевич Владимирский — ныне, увы, покойный... Он сам когда-то был крупный певец, пел у Зимины в Москве, там же, где и Шаляпин одно время работал. Николай Васильевич тоже каждый день со мной занимался; а я его просто преследовал, домой к нему ходил. Вот какие люди — главные учителя!

В 1951 году — бурятская декада в Москве. Пел на концерте в Большом зале кон-

серватории — арию Мельника, «Стеньку Разина», «Ирландскую застольную». После концерта пришел за кулисы Николай Тихонов, поздравил. Вернулся я в Ленинград, продолжаю занятия. У нас, как во многих вузах, висел на факультете почтовый ящик с ячейками для всех букв. Подхожу к ящику, заглядываю на букву «Л» — мне правительственная телеграмма: присвоено звание народного артиста Бурятской АССР!

— Как вы восприняли это?

— Нормально воспринял, правильно. Как большой аванс, который еще предстояло отработать, заслужить.

— И что было дальше?

— Смотря когда. Если в тот же день, то, понятно, отметили мой почет с друзьями-студентами. Если же чуть вперед заглянуть, то учился до 1954-го, все годы был именованным стипендиатом. Окончил консерваторию и вернулся в свой родной театр в Улан-Удэ.

— Что стали петь по возвращении?

— Ивана Сусанина. Бориса

— Ну, допустим, я готовлюсь петь Бориса или Гремину. Естественно, Пушкина надо прочесть хотя бы еще раз. Только после этого перехожу к клавиру. Эпопея князя Игоря по-своему трактуется в опере Бородин, но «Слово о полку Игореве» полистать, мысленно декламируя избранные места, тоже необходимо! И на полотна в картинной галерее взглянуть — скажем, на «Битву русских с половцами». Гёте люблю перечитывать, Мериме. Из художников на меня особенно сильно действуют Рерих, Роуэлл Кент — вот титан!

А в самый день выступления стараюсь поменьше общаться с окружающими, еще лучше — вообще ни с кем не встречаться. Заранее уезжаю за город, в лес. Брожу, молчу, думаю. Пытаюсь превратиться в того, кем должен быть в этот вечер. К Борису, например, начинаю готовиться дня за три. И после Бориса не сразу прихожу в себя. На следующий день уж точно петь не в состоянии: психофизическое истощение, как говорит доктор.

Артист готовится не только морально и творчески. Певцу, а басу в особенности (уж не

— Скажите, Лхасаран Лодонович, что из вашего репертуара имело особый успех за рубежом?

— Оперную классику лучше принимали в чинных театральных залах; а простому люду, который собирается перед открытой эстрадой, подчас импровизированной, больше по душе «Вдоль по Питерской» и особенно «Эй, ухнем!». На одном таком концерте в Нигерии аудитория даже стала мне подпевать. После я спросил местных антрепренеров: «Откуда знают у вас эту песню?» Ответили: «Как же, «Эй, ухнем!» в наших школах проходят!» То же самое в Японии — сказали: «У нас ее почти каждый знает!»

— А вам самому что ближе?

— Я оперный бас; разумеется, моим профессиональным кумиром не может не быть Шаляпин. Всю жизнь я обращаюсь к Шаляпину, учусь у него, стараюсь повторить его репертуар и подражать ему в меру сил и возможностей.

— Но хорошо ли это — подражать? Не лучше ли оставаться самим собой?

— По сути, так оно и выходит. Я бурят; когда шаляпинский вокальный образ и образ самого Шаляпина я пропускаю, как бы сказать, через «бурятскую призму», сквозь себя, потому что многих поколений кочевников-скотоводов, рождается нечто иное, сугубо национальное.

Ведь я родился — в 1924 году — в Агинских степях, на берегу реки Онон. Местность эта зовется Ага-Хангил: юрта, верст через пять другая юрта, еще через десять — третья... Линховоины жили бедно: юрта заплата, пол земляной. Росли мы с братьями и сестренками на этой земле, среди ягнят, — они рождаются в феврале, и их тоже надо растить в тепле, у очага. Четырех лет от роду я уже на коне верхом ездил, пяти лет стал пастухом. Пасти баранту помогал мне пес Хотшо (Сторож), громадный тибетский волкодав, нянька моя. Я и на нем верхом ездил... Чабанствовать меня учил дед.

— А родители?

— Отец сумел выучиться в Чите, в семинарии, и учительствовал в Ага-Хангиле. Был там деревянный домик — школа, а вокруг чабаны ставили на весь учебный год юрты для своих ребят. Теперь Лодон Линховоин — заслуженный учитель школы Бурятской АССР. И мама моя, Долгор Линховоин, тоже заслуженный учитель. Она окончила в 1930 году в Ленинграде Педагогический институт имени Герцена.

В 1932 году отца перевели в Улан-Удэ — преподавать русский язык на Монгол-рабфаке (он и монгольский знал). Между прочим, тогдашние ученики отца — сегодня академики Академии наук Монголии, профессора, доктор, очень известные люди... В Улан-Удэ я поступил в школу и через десять лет ее окончил — в 1942-м, когда отец уже ушел в армию. Он всю войну был солдатом.

— Когда же вы начали петь? — Еще там, на берегу Онона, в степи. Отец пел, у него хороший баритон был. Ни одна свадь-